

ГИПОТЕЗА О ГРУППАХ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: ТРИ В ОДНОМ В ЭЛИТОЛОГИИ

Данный материал написан в развитие теории революционной ситуации и приурочен к подлинному дню праздника народного единства – 7 ноября, красному дню календаря, дню Октябрьской Революции, а не к тому, что компрадорское дурачье пытается навязать нам как таковое в виде 4 ноября, к которому это единство или уже давно как состоялось, или никак не связано с этой датой, но, во всяком случае, большинством помнящего свою историю народа, которому этот «праздник» вменен, как праздник «почему-то» не воспринимается.

Материал посвящен попытке взаимной интерпретации таких групповых феноменов современных обществ, как революционеры, спецслужбы и партизаны, и апеллирует, в первую очередь, к процессам, происходящим в США в начале XXI века.

Не знаю, есть ли в элитологии такое подразделение или нет, но существует особая категория элит, формируемая из представляющих общество личностей, являющихся носителями его культуры и ориентированных на самое выживаемость и безопасность этого общества.

Эта категория имеет определенную степень сплоченности между собой и выраженность в институционализированных формах. Оптимальная ротация членов этой группы, обеспечивающая ее жизнеспособность, не кастовая.

Особенностью этой группы является не только то, что она является, пожалуй, наиболее ответственной среди всех категорий общественных элит, но и то, что она проявляет себя в тех явлениях общественных движений и групп вокруг них, которые чаще всего в обыденной жизни понимаются как различные по существу, это:

- разведчики (или внутренние и внешние спецслужбы как часть силовой компоненты системы государственного управления);
- революционеры;
- партизаны.

В действительности же о связях этих групп известно довольно давно – например, о том, что спецслужбы иностранных государств оказывают поддержку революционно-повстанческим движениям в тех странах, где выгодно посеять смуту, а также о том, что, например, в годы Великой Отечественной Войны в СССР партизанское движение во многом создавалось усилиями НКВД. Это не говоря о том, достаточно расписанном Карлосом Маригеллой, обстоятельстве, что диверсионно-партизанская форма борьбы является оптимальной для революционного движения, и о том, совсем уж прозрачном, факте, что спецслужбы являются первейшим институтом, рассчитанным на борьбу с революционными движениями и зачатками вооруженных мятежей. В этом смысле получается, что одна из приведенных групп конфликтует с другой группой. По факту это так, но здесь нет противоречия: борьба спецслужб с революционными настроениями является аутоиммунным феноменом общественного организма. И в этом же смысле невозможно быть «за» или «против» той или иной компоненты общественной триады, в частности, костерить почему зря «происки спецслужб» и нести т. п. ахинею, как то делают некоторые: спецслужбы и есть иммунная система общества, без которой из страны утекают технологические и людские ресурсы, а общество наполняется враждебными агентами влияния, отнимающими очень много сил. Это не говоря о том, что спецслужбы формируют изрядный научно-исследовательский потенциал (об этом ниже). Другой частью системы общественного иммунитета являются те, кто способен критически воспринимать тотальные проблемы и связанные с ними перспективы, и в той или иной степени конструктивности (осознавая ее возможность) взаимодействовать и консультировать правящих администраторов. Только при признании невозможности диалога с

привластными элитами появляются революционеры. Совершив революцию и отстояв ее завоевания, требуется стоять на их страже. Именно поэтому, например, элитная иранская спецслужба носит название «Корпус Стражей Исламской Революции» (КСИР) и, составляя часть вооруженных сил страны, включает в свои задачи вопросы идеологии и борьбы с подрывной деятельностью. Другим примером являются США. Рассматривая общественные процессы в этой стране в 2012-2013 гг., я пришел к выводу, что уничтожение там «среднего класса» и возможный уход последнего в экономическую и коммуникационную «тень» может сопровождаться уходом туда же представителей американских intelligence, являющихся милитарным аналогом российской «интеллигенции» с высшим образованием, широкими связями в академическом сообществе и специализированными прикладными знаниями в области гуманитарных и социальных технологий, способных стать лидерами мнений в этой «тени», а также запустить и контролировать процессы социальной организации низового уровня. Потенциал этой «тени» я оцениваю достаточным для формирования не просто революционных настроений, а параллельного общества, способного, в конечном счете, сбросить «старую кожу» со всеми ее блестками.

Однако чаще всего такие связи между приведенными группами (являющимися, в действительности, режимными формами одной типологической группы, имеющей реальное воплощение во множестве различных комьюнити, более-менее связанных между собой социально и культурно) рассматриваются в свете ресурсной причинности (одна группа оказывает поддержку другой), нежели как явление одного порядка, то есть как некий тип общественной группы с единым типом представляющих ее личностей: в одном случае (мирный период) функционирующий как спецслужбы, основной задачей которых является разведдеятельность; в другом (период внешней либо тотальной внутренней агрессии) – как партизанское движение, в системном воплощении и при народной поддержке представляющее собой почти неубиваемую военную силу; в третьем случае, в периоды существенных кризисов управления общественными процессами (разложение элит, кризисы государственного управления) – как движение революционное, направленное на смену элитной и прочих структур общества.

Во всех трех случаях, кем бы ни были эти люди, их основным фактическим мотивом является системно реализуемые безопасность и адаптация общества в окружающей социально-природной среде, вне зависимости от того, какие мотивы номинально декларируются их институционализированными аналогами. То есть эти декларации и мотивы могут совпадать или нет, но в своей действенной форме они являются наиболее патриотичными акторами. Соответственно, формирование и актуализация группы в тот или иной период существования общества, как часть системы общественного гомеостаза, происходит, как правило, внеинституционально, а после того, как будет достигнут желаемый гомеостатический эффект, группа получает свой институт с соответствующим названием (и, при определенных условиях, финансируется и разрастается, иной раз изрядно, подобно разведсообществу США к. XX – н. XXI веков), при этом часть ее представителей переходит в другие области общественного управления (подобно тому, как иные руководители партизанского движения в СССР после войны умудрялись воссоздавать из руин богатые сельские хозяйства).

Почему это важно? Дело в том, что оптимизация перехода группы общественной безопасности (взятой как естественный социальный феномен) из одного режима существования в другой представляет собой не только задачу социальной адаптации, но и особый уровень управления общественными процессами, связанный с пониманием неких существенных, и даже критических, принципов, лежащих «по ту сторону» общественного договора и тем, собственно, составляющих управленческую проблему.

Все три группы, представляющие разные варианты одной социальной (вернее, социально-личностной) формы, поскольку открытость их фактичности связана с открытостью же скрытого характера их действия, окутана ореолом мистификаций и таинственности, особенно в период

наибольшей активности той или иной из этих групп. И главное направление их демистификации, ИМХО, должно быть связано как раз с пониманием их исторической взаимотрансформативности.

Далее я пытаюсь связать между собой:

- отмеченный выше научно-технический потенциал группы общественной безопасности, наиболее ярко реализуемый в институциональных формах (по крайней мере, в обществах с ростовой экономикой капиталистического типа);
- вопрос о «трансторическом» управлении общественными процессами (с учетом различных форм существования групп общественной безопасности);
- еще одну функцию этой группы, связанную с общественной безопасностью – с одной стороны, и с ценными прикладными знаниями – с другой: выживальщицкую, или сюрвивалистическую, функцию (в качестве примеров можно привести тот же КСИР, в задачу которого, кстати, входит помощь в чрезвычайных ситуациях, а также российское МЧС – пожалуй, единственный пример в мире, где до сих пор преимущественно субкультурные знания и практики выведены на уровень компетенции государственного министерства); эту функцию в ее развитом виде я считаю ключевой (по крайней мере, на рубеже XX и XXI вв.), обеспечивающей рекрутмент в группу общественной безопасности из широких народных масс и комьюнити субкультурной направленности;
- формат участия групп общественной безопасности в управлении государством и обществом и использование ими для этого специфических инструментов мониторинга, анализа и принятия решений.

Если начинать с первого пункта, то наиболее актуальной здесь темой будет пример упомянутых США, чье разросшееся разведсообщество породило целый экономический комплекс, производящий, с особым порядком финансирования, государственно-частную инноватику, то ли параллельно-подобный военно-промышленному, то ли составляющий его значительную часть. Но это не самый первый пример, когда группа общественной безопасности системно работает в области науки и технологий. Таковым примером не может быть и деятельность нацистской Аненербе, чьими прагматическими подобиями стали RAND и множество ARPA-образных проектов в США (в СССР, похоже, такие целевые институты не создавались вообще, если не считать организаций первых лет советской власти). Едва ли не наиболее ранним примером такого рода деятельности является «Совет Девяти» царя Ашоки, чья мандала расположена в центре нынешнего индийского флага. В этом смысле проявляются различные отношения группы общественной безопасности, с одной стороны, к возможностям знаний, с другой стороны – к возможностям технологий, откуда происходит три типа такого отношения к ним:

- выяснение наличия и реализуемости возможностей;
- способствование реализации возможностей;
- предотвращение реализуемости возможностей.

Разумеется, в различные исторические периоды акценты делались по-разному как между этими отношениями в целом, так и в распределении по внешней и внутренней средам обеспечиваемого этой группой общества. Например, согласно преданию, «Совет Девяти» собирал источники знания внутри общества в рамках политики предотвращения распространения нежелательных знаний и навыков, дабы не «наломать дров», нацисты выясняли возможность и воплотимость идей древних, а в США была создана система пропаганды новых технологических реалий через медиаконтент, дабы способствовать адаптации технологических новинок в обществе, готовя для их появления рыночные и производственно-кадровые условия.

Разумеется, эти вещи научно-технологического порядка относятся к разведдеятельности и компетенции спецслужб. Но, с другой стороны, и сама наука Нового Времени, с момента основания Лоренцо Великолепным университета нового типа, стала ничем иным, как разведыванием у природы (это если не считать более позднего, но не менее интересного и важного, кунсткамерного, источника науки, основанного на подсматривании у природы курьезов,

девиаций и аномалий). Ранее понятия, имевшие известную долю религиозно-нравственного и церковного в оттенках своих значений (ср. английские “exploration”, “examination”, “inquisition”, “experiment”), стали впоследствии научными, замещаясь экономическими коннотациями (“investigation”, “investment”). Исследование и расследование природы чего-либо происходит по праву облеченности полномочиями, но уже по преимуществу финансовыми, либо государственными (в меру подконтрольности финансов государству), нежели морально-нравственными или религиозными. Именно поэтому наука, взятая как капитал и часть капиталистической системы воспроизводства, в лице ее представителей бежит туда, где в нее вкладываются, и ей, кроме ценности «познания истины» (а по сути, сущего и аспектов его возможного использования), плевать, по большей части, на все прочие ценности, в частности – на вопросы должного, которые, однако, составляют этическую прaosнову экономического дискурса, в рамках которого такая наука обрывает свой смысл. Хотя в последнем случае имеются исключения, к коим относится, например, корпус медицинских знаний.

Далее, по мере общественного развития и стратификации исследовательской деятельности, разведывание природы дополнилось разведыванием полученных результатов у тех, кто уже у нее разведывал, без существенных затрат на научные и конструкторские пробы и, разумеется, перехватом контроля над научно-технологическим производством. Иначе говоря, речь идет о формировании (по крайней мере, в капиталистической системе разделения труда) социальной стратификации исследовательской деятельности, воплощающей классический марксов принцип паразитирования на прибавочном продукте. На национальном уровне это разведка в отношении других стран, на уровне капитала внутри одной страны – в отношении конкурентов при неизменном хранении своей деятельности в режиме секретности Полишинеля. Не институциональные формы такого паразитирования известны под именем «плагиат» и наиболее заметны в периоды кризиса идей, распада социализирующих институтов научно-технологического производства и выключения внутри них карьерных лифтов. То есть известный набор явлений «пауков в банке», заблачивания творческой среды и получения грантов «аксакалами» под чужие идеи по старому принципу приращения капитализации за счет снижения издержек и эффекта массовости.

В то время, как исследования составляют основу задач разведчиков (будь то сугубо научных, внешних или внутренних) для поддержания существующей системы общественных отношений, главной задачей революционеров является трансформация общественного организма на уровне принципов устройства и структуры элит с целью адаптации к среде и требованиям времени. Наибольшая эффективность их деятельности обеспечивается при наибольшей системности знаний, подчиненных этим задаче и цели, а наиболее эффективное обеспечение их этими знаниями происходит при наиболее системной и грамотной организации разведывательной деятельности, обеспечивающей их мониторинговой и аналитической инфомрацией. Здесь уместно вспомнить о том, сколько среди деятелей Русской Революции или людей, сочувствовавших ей, было лиц с революционными научными идеями, да и вообще лиц с широким кругом познавательных интересов (вспомнить хотя бы Богданова, Бартини, Охитовича и многих других). Главную трудность здесь представляет сама трансторичность деятельности революционеров и противостояние им легальных и официальных организаций общественной безопасности. Это значит, что уровень их информационно-аналитического обеспечения должен быть либо соизмерим, либо асимметричен обеспечению легальных и официальных спецслужб. Либо в обществе должны быть неким образом выстроены специфические механизмы, обеспечивающие «бесшовный» переход к ним контроля над процессами управления. Разумеется, такое предположение выглядит полной маниловщиной и идет вразрез с классиками революционной борьбы, однако продиктовано исключительно гуманистическим пафосом автора этих строк. Как бы то ни было, отмеченная соизмеримость либо асимметричность системы познавательного обеспечения, если отказываться от идеи такого обеспечения за счет интервентов (что уже имело место в Истории), должна состоять в том, что в революционеры-подпольщики должны прийти выходцы из спецслужб и академической среды, о чем я высказался в отмеченном выше

документе относительно происходящих в США процессов начала XXI века (и что также отчасти имело место в российской Истории начала XX века, когда иные агенты царской охраны способствовали революции).

Аналогичная задача информационно-аналитического и познавательного обеспечения стоит и перед партизанами, но, в отличие от революционеров, несмотря на ключевую роль партизанской тактики в революционной борьбе, перед ними особо стоит вопрос сохранения идейной и культурной идентичности при одновременном условии сохранения способности к активному и скрытному же сопротивлению противодействующим факторам подавления, безотносительно к тому, являются эти факторы внешними (интервентами) или внутренними (деградирующий и репрессивный аппарат управления). В этом смысле партизанство, как корпус знаний и практик, оказывается логически внеположным и разведдеятельности, и революционной деятельности (между собой противоположным по основанию), в качестве общего силового метода действия в целях общественной безопасности, обеспечивающего, на различных уровнях организованности и легальности, как грядущую революцию, так и достигнутые ею завоевания.

И в этом же смысле партизанство, как предельный инструментальный и функционально-методический аспект деятельности группы безопасности, противопоставленный революционному и разведывательному аспектам как преимущественно целевым, обременяется целевой же функцией ситуационного управления процессом борьбы и установлением контроля в зонах действия – с одной стороны, и выделения собственной практики в некую, планомерно организуемую, систему средств и методов ситуационной деятельности, связанной с выживаемостью субъектов этой деятельности, распространяемой на любые ожидаемые чрезвычайные ситуации – с другой стороны. Собственно, эта «другая сторона» и представляет собой полностью содержание теории и практики сюрвивализма, взятого как легальный институт и субкультурное явление.

Отсюда проистекает существенная задача, требующая нетривиальных решений: как и в каких формах получить контроль над управлением стационарным, оседлым, обществом среди условий и средств, соответствующих режиму «выживания», особенно с учетом того, что системные компоненты партизанской инфраструктуры (если о ней вообще идет речь) полустационарны или мобильны по преимуществу, а в некоторых случаях носят дисперсно-роевой характер. Собственно, этот характер и эта мобильность как раз и играют здесь ключевую роль, будучи сегодня принимаемы на вооружение странами «первого мира», переходящими на принцип действия малыми группами – так что вскоре, вполне возможно, основная тактика регулярных войск будет неотличима от тактики партизан. Иное дело – ресурсы: против партизана действуют, в одном случае, либо безопасники-охранители, либо интервенты, при мощной поддержке внутренних либо армейских войск, вкуче с мощным арсеналом мониторингово-аналитических и пропагандистских средств, интегрированных в публичные площадки, а также, самое главное, при мощном финансовом обеспечении. В этом смысле в «новые партизаны» начинают вливаться патриотично настроенные представители спецслужб, что и следует ожидать в США в первую очередь как в мировом эмиссионном центре, ибо финансовой поддержки со стороны «интервентов» ожидать вряд ли стоит (ну не Китай же будет ее источником, уже 30 лет как растущий за счет рынка США?!). И тут выявляется еще одно различие, связанное с задачей формирования и повышения внутренней самоорганизации и распространения этой самоорганизации на все общество.

Дело в том, что даркнет, в который уходит сегодняшний истребляемый средний класс (о чем я у себя писал неоднократно) – это не совсем партизанство. Во всяком случае, коннотативно, ибо партизанство – военно-социальное движение, а те, кто составляет основу общества потребления, воевать, в большинстве своем, не особо стремятся или умеют. Львиная доля этих граждан представлена хипстерами – лицами творческих профессий, в меланхолической экзальтированности озабоченными собственной экзистенциальной заброшенностью. И, в общем-

то, желания завоевывать кого-то у них нет. В большинстве своем у них есть типичный сценарий собственной жизни, связанный с получением высшего образования и, если повезет, своего небольшого бизнеса, дабы не «работать на дядю». Вполне себе нормальная мотивация смитовских мелких собственников-бизнесменов. И вот их-то вытесняют в область криминала – не только ростом безработицы из-за снижения совокупного спроса и «заменой мелкой розницы мегамоллами», но и как будто специально сделанными для этих целей вещами вроде тюремных сроков за пользование торрентами. Впрочем, об этом у меня также неоднократно писано касательно формирующейся в США системы тюремных индустрий. Потому и появляется даркнет – не совсем криминальный, не совсем легальный, но полукриминальный (ибо вынужденно криминальный), полулегальный (и, разумеется, имеет градации в сторону избавления от этого «полу-»). То есть у него имеется два качества:

- его социальная структура в массе своей не исчерпывается представителями элит общественной безопасности;
- существенную роль в его формировании играют инфокоммуникационные технологии, прежде всего – технологии т.н. «социального софта».

Добавление необходимых регламентных компонентов к специфически организованной архитектуре такого софта ведет к появлению нецентрированных систем управления пирингового типа, о чем идет речь в последней главе моей статьи «Ситуационные центры и нецентрированные системы управления в историческом контексте». Но для формирования такой управляющей системы низового уровня, как говорится в том документе, нужна смена парадигмы пользовательского присутствия в среде Интернет. Не больше и не меньше. И эта смена произойдет постольку, поскольку технологическая среда общения вынуждена будет измениться под давлением требований локальных и глобального процессов.

Я понимаю, что недостаточно раскрыл здесь тему трансисторического управления обществом. Это весьма непростая вещь, скорее всего, образующая предмет целого исследовательского проекта, и кажется, что такая задача вообще не выполнима, поскольку смена элит почти всегда сопровождается общественным хаосом, потрясениями и массовыми трагедиями. Между тем, я убежден, что разработка и применение специфических представлений и средств управления, возможности которых становятся все более очевидными, способны решить и эту задачу, выведя человечество на новый этап социальной эволюции.

© Дмитрий Алексеев, 11.2013
<http://www.dalekseev.ru/>